

Из бесед с М.Л. Ремнёвой

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Марина Леонтьевна, узнали о Ваших планах написать книгу, где речь пойдет о Вашей жизни, а значит, и о филологическом факультете, о Московском университете, с которым Вы навсегда связали свою судьбу, когда пришли еще в старое здание на Моховой как один из многих-многих абитуриентов... А почему Вы выбрали именно филологический факультет?

– В принципе, советская школа, в которой я училась, была, во-первых, очень разноликой, а во-вторых, очень хорошей. Поэтому у меня была мысль поступить и на

исторический факультет, и на филологический факультет, и на механико-математический факультет, и даже на биологический факультет. И что самое интересное, я могла поступить на любой факультет без помощи репетиторов. Потому что школа учила так, что этого было совершенно достаточно, чтобы человек моих способностей, – прямо скажем, не слишком блестящих, – мог выбирать между мехматом и филологическим факультетом. При том что и школа была не столичная московская, а находилась в Подольске. Из трех подольских школ (две женских и одна мужская) в высшие учебные заведения поступило 90% выпускников.

Я думала об историческом факультете, но потом те причинно-следственные связи и «контакты», с которыми я столкнулась в истории, от истории меня оттолкнули: мне показалось, что все эти «контакты» каждый может истолковать так, как ему хочется. Я могла пойти на романо-германское отделение (Кстати, у меня был еще очень хороший немецкий язык.) Но я так не хотела идти на романо-германское отделение! Когда после собеседования меня приняли на романо-германское отделение, я вернулась, несмотря на то что 2 июля, когда мне об этом сообщили, был страшный дождь, – вернулась на второй этаж старого здания и переспросила: «Меня точно взяли на русское отделение, а не на романо-германское?»

И все-таки почему филологический, что заставило Вас отдать предпочтение русскому отделению?

– Конечно, книги. Читали мы не то и не так, как сейчас читают. Мы читали так, что перечитывать заново во время учебы в университете было не нужно; всё, что было в наших списках, я уже давно прочитала. Я прекрасно знала Стендаля, Мопассана, Бальзака, Дюма... не говоря уже о русской литературе, которая всегда была рядышком со мной. Я почти наизусть знала Пушкина, Лермонтова, и когда по ночам все читали тома из списков, я спала, потому что я все это знала. А «Сагу

о Форсайтах» я к 10 классу прочитала уже раза 4, поэтому перечитывать «Собственника», который был в то время в программе, мне было просто смешно: я его знала близко к тексту.

Значит, повлияли именно книги?

– Не только. Потрясающим преподавателем русского языка и литературы была моя мама. И хотя она преподавала в мужской школе, я ходила к ней в кружок и приобщалась там уже к настоящей литературе. Разумеется, на меня повлияли родители (папа у меня был преподавателем истории), поэтому я гуманитарий, я как-то это осознала.

А каким был факультет в годы Вашей учебы?

– После ухода того поколения, которое было старшим по отношению ко мне, по отношению к нам, – то есть тех, кто принимал у нас вступительные экзамены и учил нас в 1950-е, 1960-е, в 1970-е и даже еще в 1980-е годы, – факультет обеднел, хотя я не могу сказать, что он стал хуже. Просто это были люди другого поколения, из другого социального слоя; люди типа Никиты Ильича Толстого или Рождественского, Гудзия... отголосок еще того, дореволюционного университета. А мы с вами знаем, что произошло с основной массой профессоров, преподававших в университете до 1917 года. Одни уезжали сами, других отправили на философском пароходе – от них избавлялись. А в итоге университетская планка стала чуть-чуть ниже. Не надо забывать и о том, что В.И. Ленин в 1919 году существование нашего факультета прекратил. Как прекратил существование всех гуманитарных факультетов в Московском университете. И профессор, будущий декан филологического факультета, Александр Николаевич Соколов преподавал литературу в школьном техникуме, где училась моя мама, – другого места для него не нашлось. И поэтому спасибо тому, кто решением Совнаркома в 1941 году вернул наши факультеты в Московский университет – и университет стал настоящим университетом, и мы снова оказались в лоне альма матер. Но, конечно, в чем-то помогло существование ИФЛИ. Однако эти 20 лет (с 1921 по 1941 год) скверно сказались на состоянии нашего факультета, сделали его бедным... Кроме всего прочего, не забудьте, что тут подоспел Марр. И для истории языка, для истории литературного языка, для славянских языков, для старославянского языка, для сравнительно-исторического языкознания в целом просто не осталось возможности развития. Поэтому над нашим факультетом – еще до нашего, до моего прихода – история пошутила очень безжалостно.

И как это повлияло на духовную атмосферу факультета?

– Что касается того времени, с которого я помню факультет, я бы сказала, что по духу своему он остался тем же. Наши преподаватели и студенты несравнимы с преподавателями других вузов и даже других факультетов университета. Если вы идете по коридору, вы обязательно отличите филолога от любого другого, кто забрел к нам в буфет, потому что это совсем другие люди. К нам идут те, у кого мама, бабушка, дядя учились на факультете. Таких на моих глазах прошло очень много. Наш факультет абсолютно прагматичен, рассчитывать на то, что, завершив его, будешь зарабатывать большие деньги, будешь «большим» человеком, нельзя. К нам идут те, кто готов учиться на прагматичном факультете, те, для кого важна духовность. Филолог противопоставлен миру потребления. Мы не принадлежим этому прагматичному веку, и именно поэтому мы сегодня полезны. Мы учим то поколение, которое будет жить тогда, когда эпоха потребления исчерпает себя. А тут, по-

жалуйста, готовенькие люди, у которых и с духовностью все хорошо, и книжки они читали, и в новых технологиях тоже разбираются.

А сегодняшняя молодежь – лучше, хуже прежней?

– Мы больше интересовались литературой, историей, чем выпускники нынешней школы, где с преподаванием гуманитарных наук очень много проблем. Конечно, дети сейчас немножко другие. В чем-то они сильнее нас. Они видят и знают мир: могут отправиться в Бразилию, а могут в Ригу. Они свободно обращаются с техникой, у них есть Интернет. А Интернет, хотя это и гнусная сплетница, – источник колоссального количества фактов. Да, они, конечно, немножко другие. Но они идут к нам – и становятся похожими на нас: читают книжки, изучают того или иного писателя, интересуются той или иной эпохой в развитии языка и литературы. Да, они используют новые технологии, но с помощью этих новых технологий они изучают то же, что изучали и мы. Значит, за их духовность можно не беспокоиться.

А в чем, по Вашему мнению, ценность филологии в современном непростом мире?

– Мы ценны сейчас, в основном, тем, что создаем будущую интеллигенцию. Нынешняя интеллигенция, к сожалению, во многом скомпрометировала себя. Мы помогаем вырастить ту интеллигенцию, которая будет совершенствовать нашу страну. Те знания, которые мы даем, – это основа для формирования такой интеллигенции.

Беседу провела А.В. Уржа

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Мы часто слышим о том, что русский язык – основа нашей культуры. Однако о происхождении русского языка, о его истории, а уж тем более о том, в чем разница между древнерусским, церковнославянским и старославянским, большинство имеет смутные, а порой и фантастические представления. Марина Леонтьевна, я намеренно буду задавать Вам «наивные» вопросы, а Вы представьте, пожалуйста, что разговариваете с дилетантом. Может быть, начнем с того, что, собственно, придумали Константин и Мефодий? Для многих это совсем не очевидно...

– Константин и Мефодий «придумали» азбуку церковнославянского языка, а древнерусский язык уже существовал сам по себе, как и все прочие славянские языки. Церковнославянский, русский извод старославянского языка, в отличие от древнерусского, не был языком повседневного общения. Задуман он был как письменный наддиалектный нормированный язык, как язык литературный. И прежде всего как язык общения с Богом, язык богослужения и богослужебных книг. В этом качестве церковнославянский, традиционный в своей основе, существует и сейчас, выполняя те же функции.

Постепенно церковнославянский расширяет сферу своего бытования, становясь в Древней Руси языком науки, а затем и языком оригинальной – непередаваемой – древнерусской литературы. Причем в древнерусской литературе разрабатываются и те жанры, которые пришли к нам вместе с христианской литературой, и те, которые «произрастали» на восточнославянской почве (например, жанр русской летописи). А пишутся все эти тексты по-церковнославянски. Так пришедший вместе с христианской литературой язык становится языком высокой русской книжности.

А лежащий в основе церковнославянского старославянский – это?

– Старославянский – это язык переводов греческих богослужебных книг на славянский. Причем переводы Константина и Мефодия и даже их ближайших учеников известны нам только в списках – копиях, датированных X–XI вв. Классический старославянский приходится реконструировать, используя при этом данные поздних старославянских, древнерусских памятников, памятников других родственных языков. Этот реконструированный язык и описан в учебниках. За время своего бытования на различных славянских территориях старославянский менялся, впитывая фонетические и грамматические особенности языка переписчиков. И поскольку очень рано (в X–XI вв.) он начинает использоваться славянами не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы, старославянский проникается свойствами разных славянских языков, меняется под влиянием живой – болгарской, македонской, сербской, древнерусской – речи.

Постепенно у каждого из славянских народов появилась своя «версия» – или редакция – старославянского.

Разумеется, степень влияния родного, в нашем случае – русского, языка определялась разными факторами: грамотностью и начитанностью писца; характером памятника – копия ли это со старославянского или оригинальное произведение русского книжного человека. Зависело это и от содержания произведения: богослужебные тексты, торжественные слова, проповеди характеризовались строгим соблюдением норм старославянского языка; в летописях, в тех произведениях, которые были ближе к общественно-бытовой жизни, особенно в деловых документах, – больше элементов бытовой русской речи.

То есть церковный язык стал литературным?

– Да, поскольку церковнославянский язык обладал таким важным свойством литературного языка, как многофункциональность – применялся в разных сферах культурной и общественной жизни восточных славян. К тому же был стилистически дифференцированным: в произведениях сакрального характера использовался один вариант, в мирских текстах – другой. Можно говорить о двух вариантах нормы церковнославянского языка: строгой и сниженной. Церковнославянский строгой нормы применялся авторами богослужебной литературы, переводчиками (с греческого) памятников деловой и юридической письменности, ораторской прозы, житийной литературы. В других жанрах – летописях, словах, повестях – находим «сниженный» вариант.

У каждой из норм был свой набор признаков, свой тип образцового текста, и если сниженная норма допускала достаточно широкое проникновение элементов древнерусского (восточнославянского) языка, существовавших в качестве допустимых вариантов – на равных правах с церковнославянизмами, строгая норма восточнославянские элементы отсекала.

На протяжении десяти веков в России церковнославянский язык русского, восточнославянского, извода существовал в качестве литературного языка (до XVIII века). И Слово о полку Игореве написано не на древнерусском языке.

Но это же памятник древнерусской литературы...

– Древнерусской, которая пишется церковнославянским языком. Церковнославянский язык на русской почве существует как литературный язык России. А параллельно с этим существует древнерусский язык, на котором пишутся грамоты,

письма. Церковнославянский мог влиять на древнерусский. Но с XVI века начинается то, что мы называем сейчас демократической русской литературой. Есть потрясающие записки дворянина, который где-то был и записал все, что видел. Эти записки дворянина и есть русский язык. Кроме того очень интересен XVII век, где взаимовлияние двух языков становится крайне интенсивным, и примечательно, что распространяется это и на строгие жанры (богослужения, жития). В XVII веке появляются жития с сильным влиянием живого русского языка. Это тот самый момент, когда начинается определенный перелом в истории литературного языка. При этом сосуществуют, например, Житие Петра и Февронии 1-й и 2-й редакции – строгие, а муромской редакции – просто на русском языке, только иногда встречается аорист вместо формы на -л. Но уже Житие боярыни Морозовой – это не совсем житие, это повесть о жизни. Нарушаются нормы очень строгой литературной формы. С другой стороны, есть житие Юлиании Лазаревской: оно написано в строгом соответствии с канонами. Но женщина, о которой пишется в житии, не имеет никакого отношения к святым. В XVII веке строгая норма становится стилистическим приемом, а стилистический прием – это уже несерьезно.

А откуда взялся сам древнерусский язык? Азбука ведь создавалась не для русского языка?

– Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, откуда взялся язык, как он возник, – в том числе русский. Мы знаем, что русский язык существовал на Руси параллельно с церковнославянским. Чем писался? Кириллицей – точно не глаголицей. Глаголица вообще мало использовалась в Восточной Руси, – та самая глаголица, не кириллица, которую «придумали» для славянского языка Константин и Мефодий. Очень сложная азбука, исключительно непонятная, о происхождении которой спорят до сих пор.

Русским языком писались в основном грамоты, установления, договоры, вплоть до Уложения 1649 г. Все это написано на русском языке кириллицей, но с определенными особенностями грамматики. Что интересно, оказывается, А. Мейе, который когда-то сказал, что все славянские языки практически не отличались друг от друга и были близки, в принципе, создал легенду, потому что на самом деле языки отличались. Если мы возьмем памятники XI века церковнославянские и, с другой стороны, древнерусские (грамоты), то во всем – от склонения имен существительных до форм изменения глагола – они категорически отличаются, характеризуются разными системами. И фонетической, и, самое главное, морфологической. А морфология – это основа. Эти разные языки развиваются каждый своим путем. Особенность церковнославянского как литературного в том, что он долго не принимает никакого иноязычного влияния, не оказываясь, таким образом, под воздействием восточнославянского языка.

Но разве можно говорить о развитии церковнославянского языка?

– Правильнее будет сказать не развивается, а изменяется: говорить об эволюции церковнославянского языка нельзя. Но как язык сакральный, литературный, государственный – церковнославянский оказывает влияние на язык живой, восточнославянский. Есть одна грамота (XII–XIII вв.), хорошо проанализированная Л.П. Якубинским. Он сказал: автор *начал было* писать торжественным слогом и использовал сплошь аористы, потом он забыл о них, потому что не было форм прошедшего времени, а когда он вернулся к прошедшим временам, он *забыл* о формах аориста и начал пользоваться формами на -л. Эти два языка различались в области глагола. В церковнославянском сохранялась сложная система прошедших времен.

Еще один вопрос. Какой первый памятник именно на древнерусском языке?

– Грамоты.

Только грамоты? А литературные произведения?

Древнерусский не был литературным языком. Был такой ученый, очень серьезный, А.В. Исаченко, который задолго до А.А. Зализняка сказал все о Слове о полку Игореве. Он писал, что если бы спросили не культуроведа, не историка литературы, а лингвиста, тот бы сказал, что Слово могло быть создано только в XII веке. В принципе, мы не можем говорить о языке древнерусских памятников как о литературном языке. Это была просто письменная фиксация живой речи. Для литературного языка необходимы многофункциональность, стилистическое разнообразие, нормированность. Все эти черты характеризуют церковнославянский.

И все-таки – первое литературное произведение на русском языке?

– Я думаю, что это Карамзин. Первый – Карамзин; второй – Пушкин.

Беседу провела А.Г. Шешкен